Мой друг Виктор Шварцман

Борис Штивельман

SHOUT
SHARE
IT

•

Борис ШТИВЕЛЬМАН

Мой друг Виктор Шварцман

Он значил для меня так много...

Мы выросли в одном городе, пару лет учились в одной школе, в одном классе. Наши семьи были похожи — дружелюбные, хлебнувшие горя еврейские семьи. Даже профессионально — инженер-папа, медик-мама. Даже по происхождению — из Бессарабии, из левой еврейской молодежи...

И была попытка дружить. Но куда там т этот серьезный мальчик скорее раздражал, чем восхищал меня.

О чем говорят мальчики в школе? С Викой мы говорили о магнитном поле, или об электрическом. Было что-то нечеловеческое в том упрямстве, с которым этот ребенок возвращался к волновавшим его научным вопросам.

Вероятно, были и другие разговоры, конечно были! Но мне запомнилось это. Вот я иду — нет, лечу, плыву — по нашему забытому раю, по старым, убогим, еврейским Черновицам. Мне лет четырнадцать. Голова полна ветром, девушками, какими-то проигранными деньгами... По улице Моцарта (или Бетховена?), вдоль Филармонии. «Слушай, Штиф! Есть такая задача...»

И все. Сила его доминанты была такой, что уже и я мог несколько дней кряду искать ответ, решение...

Запомнилась неожиданная встреча у доски объявлений Московского физфака. Две недели назад окончена школа. Мы поступаем на физику — науку наук. Вчера написана математика письменная. Разыскивая свои фамилии на доске, обмениваемся предположениями. Мне кажется, что у меня «четверка» (в душе я надеюсь на большее!). Мрачный Шварцман предполагает, что у него «трояк». Мелькает мысль, что не тупая зубрежка, а звезда, удача, напор решают дело. Хочется ободрить бедолагу.

Действительность опрокидывается холодным душем. У меня «два», у него «пять». Ошибкой — по крайней мере,

несправедливостью! — казалось и то, и другое. Я пробовал апеллировать...

Кстати, эта «пятерка» — одна из немногих в многотысячном потоке абитуриентов физфака — сыграла удивительную штуку в дальнейшем поступлении Вики. На математике устной, экзаменатор — университетский педагог по прозвищу «Кривой» — сосредоточенно валил еврейского юношу, следуя инструкциям. Его, по-видимому, не смущало то, что абитуриент решает подряд задачи все возрастающей сложности.

Найдя, наконец, задачу, с которой экзаменующийся не справился — двумя годами позже Шварцман и Бернштейн доказали, что она не имеет решения! — усталый экзаменатор ставит «два» и ведет парня к столу приемной комиссии. Там он обнаруживает, что письменную работу Вика написал на «5». Опасаясь скандала — а о нем и не помышлял измученный абитуриент! — ставит «три». Затем был многочасовой — на выживание — экзамен по устной физике.

Потом я не раз заезжал к нему в Дом студента. Что-то тянуло к этому колючему надменному очкарику. Зависть? Сострадание? Чувство родства? Он жил в одиночке, мой друг, в зоне «Б» — так музыкально назывались студенческие общаги МГУ. Дверь в его комнату и внешняя дверь блока всегда были заперты — он старательно экранировался от внешнего мира. Он удивительно много работал. Он казался совсем недоступным.

Второй виток нашей дружбы начинался в 1969 году. Мы оба окончили университет, оба были рано женаты. Шварцман учился в престижнейшей московской аспирантуре. Я поселился в курортном городке у моря.

Виктор приехал неожиданно и не один. С ним была Нина — наша землячка, одноклассница Вики, привлекательная, чуть экзальтированная молодая женщина. Была середина лета. Утром следующего дня я уезжал, а эту ночь мы всю до рассвета бродили по пляжам, купались с пирсов, острили; казалось, мы все влюблены друг в друга. Я не узнавал Вику. Он не сводил с Нины восторженных глаз. Смеялся самым дурацким моим шуткам, восхищался моим глубокомыслием. Мы читали стихи и пытались угадывать имена деревьев. Я понял, как он беззащитен.

Потом мы встречались все чаще и чаще. После окончания аспирантуры Вика поселился в строящейся обсерватории, в горах, звал и меня туда. Наша дружба набирала вес, объем, число измерений, а для Шварцмана это непременно означало рост взаимодействия. Его тетрадки (да и мои!) полны записями типа «Учить Борю...» — и далее длинный список, или «Учиться у Бори...» и далее снова список. Я не был здесь исключением;

такого рода записи — или даже специальные тетради, или целые папки — заводились для всех сколько-нибудь существенных партнеров. А какие идеи там содержались! В одной из разработок мне предлагалось притвориться, а лучше на самом деле стать чудиком, свихнувшимся на астрономии; прилагалась программа; сохранилась моя версия этой программы. В другой планировалось наше совместное (многомесячное? многолетнее?) странствование по стране, причем, в этом путешествии Вике выделялась роль «ученика и слуги» (он так и подписывал некоторое время свои бумаги), а мне некоего Буддийского мэтра.

Впрочем, эти бумаги относятся к более позднему времени, когда на смену естественному озорству молодых, полных энергии парней, при шло ощущение усталости, растерянности, распада. Тогда же, в начале семидесятых, жизнь Вики вдруг круто переменилась. Распалась семья, Нина уехала в Харьков. Мы часто встречались, проводили вместе немало времени, подолгу беседовали — но Шварцман никогда не рассказывал мне о том, что значила для него эта первая в жизни драма. Сегодня я убежден, что он так и не сумел пережить ее, что она терзала pro всю оставшуюся жизнь, наслаиваясь, усугубляясь...

Но тогда глаза мои застил свет Витиных успехов. Законченный неудачник в науке, антипрофессионал, я с тихой грустью наблюдал то, что мне казалось верными признаками взлета. Поток публикаций, признание мировой научной общественности, положение в САО... Блистательные идеи, превосходные, глубокие, доступные лекции о науке, которыми он одарял нас во время своих ежегодных приездов — все это вызывало сложную смесь чувств от обожания до печали. И даже его одиночество — на фоне мещанского благополучия моей семьи. И этот удивительный поток девочек, женщин, поклонниц. И эта его потрясающая квартира, рядом с нашим убогим бытом и ежеминутной борьбой за жизнь. Зависти не было. Но было некое ослепление. Непонимание очевидных вещей. Вначале более робкие, более туманные, а потом все более открытые, более грозные жалобы Вики, казались мне кокетством. Недостойным мужчины скулением. Бесстыдным хри-старадничанием богача...

Как поздно я осознал, что, если не вся наша дружба, то большая ее часть, была просто мольбой о помощи. Мольбой о помощи погибающего человека. Временами сильного — сильнее всех вокруг! — временами слабого человека. Успешного или терпящего поражение в делах. Здорового, больного, любимого, осуждаемого. Но всегда — с очень ранних лет, вероятно, ощущающего свою смерть. Не справляющегося со своей психикой, не справляющегося со своей программой. Ведь он был как Зомби!

С детских лет он твердил об одном — о высшем долге, о Надличном. О самых глубоких задачах. О самых рискованных экспериментах. О самых необычных решениях. Не знаю, кем и почему, но его мозг всегда был настроен на высшую отметку. Как-то, желая задеть его, я сказал: «В сущности, это традиция еврейских банкиров. Те стремились захватить все деньги, ты — все знания, все таланты...»

Все же эти пятнадцать-семнадцать лет нашей второй, взрослой дружбы содержат столько теплых и светлых картинок; совсем безоблачных, совсем легких, совсем не предвещающих ужасный финал.

Вот мы на одном из Геленджикских пляжей, нам лет по 25. После одного из заплывов — я плавал чуть лучше — я решил смягчить эффект: «Никак не научусь прыгать в воду головой. Трушу!» Витя расцвел: «Если пообещаешь меня послушать — научу!» Скрепя сердце, я согласился. «Нужно прыгнуть 100 раз подряд! Очень просто».

Следующие полдня я прыгал в воду с причала, хлюпая носом, проклиная свою сговорчивость, а замерзший Шварцман стоял на берегу и считал: «Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь...» После третьего десятка я научился.

Начало или середина семидесятых. Мы проводим пару летних отпускных недель в Черновцах у родителей. Но, конечно, составлен план. Один из его пунктов — утренние занятия йогой. (Всерьез ли, в шутку ли Витя считал меня крупным йогом). Но утро начинается у Вики не рано. Около десяти раздается его звонок. Я бегу через весь этот смешной и игрушечный город на улицу Русскую, где Шварцманы занимают крошечную квартирку. Мы занимаемся. К двенадцати выползаем на кухню — голодные, как звери, но полные решимости сохранить фигуру. Куда там! Круглый стол уставлен необыкновенной красоты салатиками. Вика возмущен: «Мамочка, я же тебя просил!» Ревекка Моисеевна лукаво улыбается у плиты: «Берите, что хотите. Я на вас даже смотреть не буду!» Понятно, что мы сметаем все.

Снова Геленджик и время примерно то же. Лето. Мой друг отдыхает у нас. На этот раз он взялся за трудную задачу — пытается убедить мою жену, всю жизнь опасающуюся нападения хулиганов, быть смелее. Дина с уважением прислушивается к Вике. (Хотя, на мой взгляд, его доводы не лучше моих). Они часто гуляют вместе, даже вечером, даже в малоосвещенных местах. Замечательный успех! Затея кончается неожиданно. Как-то днем они возвращаются, смущенно улыбаясь. У Дины ссадина, Вика весь в синяках, хромает — его побили! Группка парней, средь бела дня, в самом людном месте, без видимых причин. Ногами!

Игнорируя всю Викину аргументацию. Дина вела себя очень мужественно.

Конец семидесятых, может быть, 1980 г. Вика приехал ко мне в Тернополь из Черновиц, дня три мы не расставались. Гуляли по городу, говорили, говорили. Кажется, еще никогда мы так хорошо не понимали друг друга. Но вот время Вики исчерпано, он возвращается автобусом в Черновцы. По договоренности я провожаю его. В автобусе, продолжая какую-то тему, заговариваю. Но что с моим другом? Он зол, едок, вступает в спор из-за каждого пустяка. Автобус идет часов пять, половину из них мы ссоримся, половину сидим надутые. В Черновцах уже спрашиваю: «Что произошло? Какая муха тебя укусила?» Вика обезоруживающе улыбается: «Нельзя же вечно быть в нежных отношениях. Мы же не девушки. Я запланировал эту ссору. Хотелось посмотреть, как это будет выглядеть и вообще компенсировать эти трехдневные слюни!»

Что еще рассказать? Может быть, еще об этой встрече в Москве в начале-середине восьмидесятых. Совсем недавно. Встреча все не получалась: в Москве у Шварцмана вечно было множество дел. Решено посвятить друг другу день моего отъезда. Вика заранее предупредил, что у него теперь новая концепция дружеских встреч. Беседовать нужно по-западному — в кафе, в скверах, а не на кухнях чужих квартир, как обычно. Была мокрая московская зима, и вопрос о скверах отпал сам собой. Мы полдня метались в поисках кафе, все же нашли одно — на Кропоткинской. Немного согрелись, а когда глянули на часы, оказалось, что я катастрофически опаздываю на вокзал. Так смешно было мелко, по-стариковски бежать по скользким улицам, чертыхаться, опаздывать, ругать друг друга...

Последние пару лет окрашены в мрачные предгрозовые тона — Вика все чаще приезжал к нам. Как-то разом ушли из жизни легкость, беспечность. Мы стали жестче, требовательней друг к другу, к себе самим. Казалось, время ушло, ждать больше некогда. Страшилище-сорокалетие — неотвратимо приближалось. Планы «больших перемен», которые всегда обсуждались нами так горячо, вдруг стали рваться в жизнь. Безотлагательность стала главной темой наших бесед. Были спланированы, продуманы до мелочей годы и годы. Конечной целью было наше соединение, взаимодействие, духовное возрождение. Начать следовало, как водится, с разрушения. Начать решено было с меня.

Вика убеждал меня стартовать немедленно. «Пока ты еще не дедушка!» — трагически восклицал он. Мне предстояло оставить семью, работу, оседлую жизнь. Превратиться в некоего странствующего монаха, изучающего науки, искусства. Со

временем ко мне присоединится еще один брат. А пока он — временно сохраняя оседлость — брался быть мозговым центром, научным консультантом и даже спонсором этого эксперимента.

Мне нелегко дались первые шаги. Мучили страхи: смогу ли еще когда-нибудь работать? Как будет жить без меня моя семья? Летом 85-го я приехал в последнюю командировку в Москву. Хотелось перед прыжком — он намечен был на осень — еще раз побеседовать с Викой. Он находился в Москве — стажировка или прикомандирование, что-то длительное.

Из аэропорта я позвонил Тамаре Людвиговне — пожилой даме, у которой частенько квартировал мой друг. К телефону подошел Вика. Хрипло, взволнованно просил сейчас же приехать: «Пожалуйста, возьми такси, я все оплачу». В те годы я не решался ездить в такси и на более скромные расстояния. Но делать было нечего. Вероятно, причина была серьезной. Может быть, не следовало задерживать приезд, чтобы не беспокоить хозяйку? Я терялся в догадках. От кинотеатра «Космос» я снова звонил Вике — он жил неподалеку и должен был меня встретить.. Ожидая, я прогуливался у кинотеатра, глазел на прохожих. Мое внимание привлекла фигура человека, двигавшегося в мою сторону. Движения человека были странными — как у механической куклы. Нога-рука, рука-нога — будто их двигали невидимые веревочки. Он приближался. Мне стало страшно. Это был Вика. Это была депрессия. Я видел ее впервые. Приблизившись, он прохрипел: «Я соскучился. Я не мог больше ждать».

Я уволился в ноябре 85-го. Поселился в Москве (таков был план). Работал на случайных работах. Делал, как мне казалось, некоторые успехи в адаптации, в выживании в этом ужасном городе. В феврале приехал Вика — бодрый, напористый, — как в лучшие времена. Его не интересовали мои успехи. Ему хотелось знать, сколько раз я бывал в библиотеках в эти месяцы? Сколько в театрах? Сколько страниц прозы, стихов мне удалось написать. Результат был совершенно неудовлетворительным. «Увольняемся с работы — провозгласил мой друг. — Сдаем общежитие. Уезжаем из Москвы. Начинаем второй этап.»

Второй этап состоял в моем погружении в астрономию. Витя разворачивал наблюдательные программы по проблеме SETI (поиску внеземных цивилизаций) и ему хотелось, чтобы я участвовал в этой деятельности. Ах, как трогательно он стремился облегчить вхождение мне, дилетанту, в новую область! Как забавно изобретал ситуации, задания, задачи! Как смешно хвалил за всякую ерунду! Как серьезно огорчался моим промахам!

Была какая-то важная загадка в этом непрестанном

интересе большого, признанного ученого к малоспособному, неусидчивому, неазартному, седовласому школяру, и разгадка явно не сводилась к нашей дружбе или к желанию помочь мне приобщиться к научному процессу.

Разгадка мне не давалась. Я усердно учил звездное небо учился работать с каталогами, отбирал объекты для наблюдений... За эти месяцы общей жизни я узнал моего друга так хорошо, как можно знать только себя. Может быть, впервые я осознал, как глубоко сплелись в нем идеи долга перед наукой (или даже шире — перед человечеством) и чувство разочарования в собственных возможностях, самые высокие нравственные идеалы и стыд из-за своего им несоответствия, дерзкие замыслы и ощущение собственной беспомощности.

Ему казалось, что он разрушается. Спады настроения возникали все чаще и они становились все более глубокими. Бывали дни, даже недели, когда он с трудом заставлял себя встать с постели и одеться. «В древней мореходной загадочной цивилизации острова Крит, — рассказывал как-то Вика — существовал обычай, по которому достигшие зрелости мужчины отправлялись на поиски новых земель. Открывшие новые земли возвращались из плавания, чествовались соотечественниками. Потерпевшие неудачу исчезали навсегда. Иногда я кажусь себе моряком. Земли мной не открыты, и из плавания я вернулся целым. Нонсенс. Жизнь потеряла смысл». К моему возмущению, даже бешенству, он то и дело заговаривал об уходе.

Все же таких разговоров было немного. Работоспособность снизилась, но работа шла! Велись наблюдения, публиковались статьи, при думывались новые и новые идеи. Периоды спада сменялись временами активности и напора.

Заканчивалась весна восемьдесят шестого. Мы крутили свою программу. Следующим родом моей деятельности должна была быть шабашка. Мы считали, что летние месяцы мне следует посвящать физическому труду, заработку в помощь семье и созданию — если удастся — финансовых накоплений на случай моего перехода в постоянный штат САО. Забавно, но Вика сам занимался поиском для меня подходящей бригады. Потратил немало времени, даже преуспел в чем-то...

Удивительно напряженными, насыщенными, даже плодотворными были следующие осень и зима (86-87 гг). Вика уговаривал сохранить неопределенность моего статуса еще на год. По предварительным планам, через 12 месяцев я должен был дать ответ себе и своим родным, как будет организована наша дальнейшая жизнь. Запомнился чудесный аргумент из Викиного письма: «Подумай, что за число 12 (месяцев)? А вот 24=1*2*3*4

— четыре факториал!»

Я не раз приезжал к Вите в САО в эту тяжелую зиму. Поразительным был сопутствующий информационный поток: десятки телеграмм, телефонных звонков, писем. Отрабатывались тактика — стратегия, казалось, давно уже создана! т нашего соединения. Уже ясно было, что темой нашего содружества будет SETI. Я с максимальной доступной мне интенсивностью (она вызывала горькие нарекания Шварцмана, привыкшего к другим скоростям) учил астрономию, программирование, читал материалы по SETI, Вика ездил по столицам; в столицах и дома в САО вел переговоры об организации в САО специальной группы по проблемам внеземных цивилизаций; о превращении САО в головное учреждение по проблеме SETI. Вопрос, как будто, состоял только в том, как организационно мне влиться в эту структуру — без имени, без образования и, по существу, без знаний. Нами с Викой были изучены самые удивительные варианты — от метеостанции в Архызе до пуско-наладочного ЭВМ-сервиса в Кисловодске, от группы погружения в английский язык в Москве, до учительской работы в Буково.

К весне 1987 года стало ясно, что оптимальной, а может быть и возможной, явилась бы моя официальная работа в САО. Попытка осуществить этот вариант была намечена на осень.

Я приближаюсь к тому, о чем хотел сказать сначала. Я приближаюсь к развязке, к тому, о чем трудно говорить, писать, думать.

Все же хочется еще рассказать об одном эпизоде этой зимы. О прелестном розыгрыше, который доставил нам обоим немало радости. История началась несколькими годами раньше; мы шли по берегу моря куда-то, беседуя и глазея на солнце, садящееся между мысами Гелен-джикской бухты. Солнце краснело и увеличивалось на глазах. Я стал вдохновенно рассказывать о закате в Фанах, когда солнпе, казалось. распухло вдвое. Мой друг как-то обалдело слушал меня, потом, сверкнув очками, спросил: «Ты в самом деле думаешь, что Солнце увеличивается в размерах на закате?» В ответ я стал излагать твердо усвоенное мной из школы объяснение про линзовый эффект атмосферы. По тому, какие веселые искорки побежали в глазах Вики, я понял, что попал в большой просак. В тот вечер он еще долго топтался на мне, не отказывая себе в удовольствии напоминать о том, сколь примитивно рассуждение, показывающее абсурдность этого утверждения, и о том, что моя ученая степень, видимо, все же предполагает знания школьной физики. «Самое смешное, — никак не мог успокоиться Вика, — это то, как просто получить ответ опытным путем: сфотографируй Солнце в зените

и на закате и измерь диск линейкой! Нет, еще проще: вырежь в картонке кружок размером с Солнце на закате (на расстоянии вытянутой руки) и посмотри через него (и темное стекло) на Солнце в зените. В том-то и фокус, что большинство людей предпочитает верить любым сказкам, вместо того, чтобы порассуждать, или поставить опыт, или, наконец, прочесть страничку учебника...» «Нет, не. любым, — отвечал я, — а строго определенным».

Это была наша, вернее, Викина постоянная тема: склонность человеческого сознания к мифотворчеству и мифовосприятию. «Нормальный человек, — утверждал Вика, — не только не способен найти истину, но в сущности и не интересуется ею. Это не плохо и не хорошо — так устроена человеческая психика. Дело нормального человека — вера, любовь, ненависть, красота, страх. Лишь малая горстка чудаков, мутантов, клинически больных людей считает выяснение истины, объективность своим главным делом. Их множество не совпадает с множеством ученых — в лучшем случае пересекается с ним. Ими разработан нудный аппарат верификации, который и породил современную науку!»

В заключение этого вечера и нашего разговора, Вика пообещал не рассказывать о моем позоре моей жене Дине, моему брату Карлу и другим.

Должен честно сказать, что за время, прошедшее после нашего разговора, я так и не нашел случая порассуждать или поставить опыт, или заглянуть в учебник, чем, кажется, вполне доказал свою принадлежность к «нормальным» людям. Вместо этого я немедленно рассказал эту историю Дине, Карлу и многим другим (Витя замечал: «Мы совсем разные люди. Когда я встречаю интересное сообщение, я пытаюсь настроиться на глубокое восприятие его сути. Ты же начинаешь лихорадочно соображать, кого бы еще притащить, чтобы познакомить с ним»). Получился как бы социологический опрос, результаты которого меня утешили и заинтересовали. Оказалось, что абсолютное большинство опрошенных — в основном, представителей естественных наук, нередко с кандидатскими и докторскими степенями, — не знают ответа на рассматриваемый вопрос. Самым же удивительным оказалось то, что большинство — как и я! — рассказывало ту же историю про рефракцию. Кажется, именно тогда у меня зародилась мысль о том, что людей объединяет не только склонность к мифам, но склонность к одинаковым мифам. Каким-то замечательным образом общие элементы, из которых состоит наша культура, складываются б разных голова: в одинаковые мозаики-картинки, устойчивость

которых мало зависиот их соответствия реальности.

Я поделился своими открытиями с Викой, но он был неумолим нужно учиться думать, учить астрономию, развивать в себе способность к анализу, а не философствовать. Кроме того, он просто не поверил в «репрезентативность» моей выборки.

Я уже говорил о том, что в эту зиму 86-87 гг. я особенно серьезно взялся за университетский курс астрономии и сразу же обнаружил, что кроме описанного, я являюсь носителем многих других астрономических предрассудков. Удивительно, но сходные ошибки делали и некоторые мои собеседники. Получалось, что начальная астрономия является кладезем мифотворчества. На этот раз идея понравилась Вике, и мы увлеченно принялись за подготовку розыгрыша, или, если хотите частного социологического исследования. Было подготовлено 8 карточек с простыми вопросами и инструкция, в которой сотрудникам САО объяснялось, что «Институт социологических исследований приступил к разработке методов определения интеллектуальных коэффициентов научных работников». Приводилась формула, по которой коэффициент подсчитывался в зависимости от скорости и лаконичности ответа объяснялось, что, поскольку ответы на вопросы почти очевидны, не следует глубоко задумываться, тем более отказываться от ответов.

Инструкции была придана весьма наукообразная форма, заканчивалась она гарантией анонимности. Результаты интервью превзошли все ожидания. Каждый из опрошенных попался на один или несколько крючков вопросника. В той или иной степени «мифовирусом» оказались инфицированы все: доктора наук и лаборантки, инженеры и теоретики столичные гости и выходцы из окрестных деревень. Напомню: профессионалы-астрономы отвечали на школьные, нет — детские вопросы по астрономии. Трудно представить себе более наглядное подтверждение тезиса Шварцмана.

Забавно, но самого Вику результаты исследования, — да и сам процесс — скорее напугали. Пока я, надувая щеки, ходил из лаборатории в лабораторию, проводя опроси трудящихся, Вика прятался дома Ему вдруг стала казаться постыдной идея проникновения в професси-ональные (верней сказать: антипрофсссиональные) тайны коллег. Результаты опроса были запечатаны в конверт, на котором стоял служебный адрес друга Вики, известного социолога М. Мацковского, ни сном ни духом, ясное дело, не ведавшего о наших проказах. К конверту была приложена записка: «В случае моей смерти направить конверт по адресу...».

Не могу избавиться от мысли, что и в этом нарушил волю

покойного.

В апреле 87-го я приехал в САО, окончательно созревший для нового поворота в судьбе. Мои близкие были уведомлены о том, что ближайшие несколько лет, по крайней мере, я буду работать в САО.

Вика встретил меня тепло, но по характерному повороту головы, печальному блеску глаз, я заподозрил неладное. «Что-нибудь не так?» «Нет, нет, все в порядке. До вчерашнего вечера я был полностью в форме. Потом поговорил с Л. и чуточку расстроился. Потом перечитал письма Т...» Это были плохие слова. С Л. — одним из сотрудников САО, неумным, обидчивым, весьма антисемитски настроенным человеком — Вику связывали неважные отношения. В обычном состоянии Шварцману хватало юмора принимать их как должное, но сейчас... Эти ужасные слова — «Чуточку расстроился» — неотвратимо свидетельствовали о том, что на душе у моего друга снова скребут кошки. Все вызывало чувство вины. Оно росло, захлестывало. Он ходил извиняться к Л. Писал покаянные письма Т. Пытался включить в этот круг и меня. Как-то ночью ему приснилось, что я обижен, не гляжу в его сторону. Я впадал в ярость.

Все было неразрешимо этой весной. Все огорчало, все расстраивало. История с Зельдовичем и Сюняевым. Дела с космомикрофизикой. Направление развития обсерватории. Разговоры с Афанасьевым. Неэффективность «МАНИИ». Жизнь в ущелье. Ситуация в группе. Одиночество мамы. Моя бестолковость. Болела пятка. Болела спина. Ничего не клеилось.

Иногда удавалось прорвать этот заслон. Несколько раз утром мы маршировали по горной дороге и пели во весь голос — Окуджаву, конечно. Вместе занимались йогой. Пытались молиться (Вика говорил: «Боря изгоняет из меня бесов»).

Не могу забыть об одном из таких прорывов. Было несколько особенно тяжких дней. Вика почти на поднимался с кровати. Кис. Никак не удавалось его расшевелить. Вдруг он предложил сам: «Поедем в станицу!» И что-то волшебно переменилось. Мы засуетились — нужно было успеть к автобусу. Кидали какие-то вещи в сумки. Бежали вниз к мостику, к шоссе. Опоздали на автобус. Голоснули какому-то грузовичку, он остановился, мы полезли в кузов. Дул ледяной ветер. Мы сидели обнявшись под Витиным пальто. Он был чудесно настроен! Напевал...

Положение усугублялось тем, что наряду с вымышленными (или раздутыми) проблемами были и очень конкретные. В самое короткое время необходимо было подготовить статью в сборник САО и два доклада на симпозиумы

в Венгрии. Дело большой срочности, а сил не было. Невозможно даже сесть за работу. Мешало множество дел, из которых наиболее трудным было разобрать завал на письменном столе. Из вечера в вечер Витя с несчастным видом простаивал над этой грудой — книг, препринтов, рукописей, писем. Как будто пытался найти волшебное слово, которое достаточно произнести, и бумаги сами разлетятся по местам...

Не знаю, какое из обуревавших меня чувств было сильнее: жалость, боль, досада... Решение было найдено внезапно. Потеряв терпение, я набросился на этот завал и вопреки протестам — но и с помощью! — Вики в полчаса разложил бумаги на три аккуратных кучи. Вдохновленный успехом, я за руку потащил Шварцмана в лоджию — так называется в квартирах САО примыкающая к балкону светлая комната. Усадил за стол и сказал: «Все. Не встанем, пока не напишем». По-прежнему то и дело протестуя, Вика стал диктовать. Через несколько часов черновик статьи был готов.

Его радости не было предела. Он всем рассказывал, как ловко я заставил его написать.

Увы. Я же и был причиной ближайшего спада, длинного, мучительного, страшного. Работа над статьей близилась к концу. Мы заканчивали английский ее перевод, когда я внезапно решил съездить домой. Резонов было много, и с каждым из них в отдельности можно было спорить, но главный, иррациональный, был непобедим. Я чувствовал себя героем, я почти наладил дело со статьей. Неужели он не может понять меня? Неужели неясно, что моя семья тоже нуждается во мне? Что, в конце концов, я имею право на отдых!

Мне больно писать об этом, но я был просто жесток в своей непоколебимости. Вика умолял меня, обижался, сердился. Говорил, что я не могу бросить его в такую минуту! В какой-то миг он решил, что это розыгрыш — мы любили подтрунивать друг над другом — и стал смиренно ждать момента, когда можно будет смеяться. Смеяться не пришлось. Последним «уазиком», отвозившим продавцов в станицу, я уехал. В руках у меня был длинный, как охотничье ружье, сверток — цветная карта звездного неба. Несколько дней назад Нина А. подарила нам с Викой по такой карте. Мы радовались как дети.

Мне снова хочется сказать здесь о слепоте. Кажется, мне дано какое-то видение людей (Вика особенно рьяно отстаивал тезис о моей проницательности). Шварцман был одним из самых близких моих друзей. Я располагал огромным фактическим материалом, временем, желанием помочь. Что же мешало мне увидеть, что, уезжая, разрушаю надежду Вики, разрезаю одну из

немногих ниточек, удерживающих его... Думаю, главной причиной был интерес. Род корысти, состоявший из каких-то смешных, как я сейчас понимаю, вещей. Желание погреться в лучах Витиной славы? Нет, все же не было этого. Было стремление во что бы то ни стало сохранить паритет в наших отношениях. Разумеется, это удавалось не всегда. Дочка была обижена за меня, наблюдая в течение нескольких недель, как я вожусь с Викой: «Папа как домработница, как секретарша у дяди Вики». Все же я полагал, что, не обращая внимания на мелочи, следует стремиться к равноправию сторон.

Хорошо помню беседу, в которой я излагал свои взгляды на нашу дружбу. «Есть точка зрения — она особенно удобна тебе — по которой надо спасать Борю. Способного, подававшего некогда надежды, но намертво увязшего в быте, в хозяйстве, в семье... Меня эта точка зрения не устраивает. По другой модели — она удобнее мне — есть Шварцман, замечательный ученый, но как-то зациклившийся, потерявший ориентацию в жизни; надо спасать Вику. По-настоящему, мне не подходит и эта модель. Почему бы не сказать так: есть два индивида, два старых друга; к своему сорокалетию каждый из них, исчерпав арсенал имеющихся у него средств, оказался в тупике. И они решились на необычный эксперимент: попробовать объединить свой опыт, взять на себя ошибки, но и достижения друг друга; попробовать создать новую жизнь. Это подходящий мне вариант».

Как и всякая идея, эта была ни хороша, ни плоха, но, к сожалению, имела тенденцию игнорировать реальность. Реальность же состояла в том, что он был болен и нуждался во мне как в опоре, в помощи, в мостике к жизни.

Мы встречались после этого дважды. Первый раз, когда приехали со старшей дочерью в САО через неделю после моего драматического отъезда, Вика как бы обрадовался Диночке (он вообще очень дружил с моими детьми), не высказывал мне своих обид — но была какая-то непроницаемая пелена...

Нет, мы немало беседовали. Запомнилась удивительная ночная беседа: Вика вызвал меня поговорить о Диночке. Она готовилась к поступлению на исторический факультет, и Вика много часов — черных, как деготь, ночных часов нашей прогулки по ущелью, убеждал меня отговорить Диночку. Нельзя делать ложь своей профессией!

Сильно подействовал на меня и другой эпизод. В один из выходных дней дочке захотелось посмотреть ночную телевизионную молодежную программу. Мне казалось, что в разгар подготовки к вступительным экзаменам такая трата времени недопустима. (Вика как-то заметил: «Диночка

удивительно терпелива. Если бы в моей юности или в детстве меня попытались так регламентировать, я бы все перебил, переломал и выбросился из окошка»). После небольшой «дискуссии» я улегся спать, дочка осталась смотреть ТВ. Уже засыпая, я заметил, что в комнату из своего кабинета заглянул Вика и, стоя у дверей, с любопытством глядит на экран. Там бесновались какие-то ребята.

Я проснулся утром от необычного звука: Вика напевал в ванной! Он никогда не вставал раньше меня!И как объяснить эти песни в разгар мрака, в глубине отчуждения?! Оказалось: он полночи простоял у телевизора. Его поразила раскованность и миролюбие ребят: «Так здорово! У одного выбрито полголовы, другой показывал фигу в экран. Что мы мучаем себя своими схемами? Своими долгами... Сегодня увольняюсь с работы. Будем путешествовать вместе. Будем учиться жить. Учиться друг у друга. Знаешь, так красиво эти ребята показывали фиги!..»

К сожалению, этот запал быстро прошел. К сожалению, мне нечего больше вспомнить светлого за эти несколько недель.

Вторая встреча состоялась первого августа. Я направлялся домой в небольшой отпуск с литовской шабашки. За эти два сезона я стал ассом т кровельщиком, чувствовал себя здоровенным, крепко зарабатывающим мужиком. Несколько отупевшим от постоянных физических усилий, стука молотков... На пути домой я завернул на сутки к маме и брату в Тернополь. Уже из Львова я позвонил им: «Еду!» В ответ услышал ужасное: у Ревекки Моисеевны инфаркт. Вика сейчас в Черновицах, ухаживает за ней. Брат очень настаивал, чтобы я сейчас же позвонил ему

Я набрал Викин номер. На том конце провода радостно вскрикнули: «Боря!» После этого полчаса я зсе бросал и бросал монетки — Шварцман рассказывал о том, как он плох. Физически, душевно, морально, творчески... Хотелось плакать, слушая этот длинный и несправедливый самооговор, но что-то необратимо изменилось в наших отношениях тогда, в начале лета, сердечность казалась неуместной и, в конце концов, я гаркнул: «Сейчас же приезжай ко мне!»

Вика приехал поездом той же ночью. Казалось, он был в хорошей форме. Мы проговорили до рассвета. Большую часть времени Вика рассказывал об июньских симпозиумах в Венгрии. Это был первый выезд за рубеж за много лет. А ведь у него хранились приглашения лучших университетов мира. Для чтения лекций, для исследовательской работы, «на любой срок, на любых условиях» — так там и было сказано. Обсерватория неоднократно пыталась послать Шварцмана, за него хлопотали влиятельные

академики — но все вязло, как в вате. Зарубежным коллегам посылались телеграммы о его нездоровье или занятости — как, впрочем, к в случае сотен других «невыездных». Вика рассказывал, что его не раз вызывали в местное КГБ, пытались, если не завербовать, то хотя бы снюхаться, обещали (в случае успеха) свободный выезд.

И вот в середине июня 87 г. Венгрия организовала два идуших один за другим международных симпозиума — по космологии и проблеме SETI. Шварцман был приглашен на оба, но до последнего момента не было известно, на какой из двух будет отпущен; считалось, что два разрешения получены быть не могут. Не будет преувеличением сказать, что в тяжелом состоянии Вики этой весной существенную роль сыграли бессовестные проволочки властей. Ведь нужно было готовиться к докладам!

Этой ночью в Тернополе я узнал, что чуть ли не в день отъезда оказалось, что ему разрешено участвовать в обоих мероприятиях. Что совещания происходили в необыкновенно красивом уголке Венгрии. И что представительная советская делегация выглядела кучкой провинциалов на фоне раскованных, молодых, красивых (так, во всяком случае, казалось Вике) западных ученых. «Мы выпали из мирового научного процесса, — скорбно рассказывал Вика. — У нас по-прежнему немало идей, но технология, но аппаратура и, главное, контакты... Симпозиум был венгерским, но казался американским. Значительная часть участников — американцы, большинство остальных или постоянно работают в Штатах, или регулярно бывают там, а мы... А наш английский — даже неотразимый Я.Б. говорил так, что было неловко слушать».

Огромные трудности с языком были и у Вити (хотя, по нашим понятиям, его английский был неплох), но обаяние его идей было столь велико, что несколько молодых американцев не отходили от него все время, пока длился симпозиум, помогли подготовить доклад и иллюстративный материал. В итоге доклад по SETI был встречен аплодисментами - явление нечастое на научных встречах.

Ровно через месяц, в ночь на первое сентября, после похорон, в кухню Викиной квартиры зашел И.Д. Караченцев. Мы — Нина А., несколько друзей, коллег Вики — сидели кружком, пили крепчайший чай. Игорь Дмитриевич рассказал, что, принимая участие в первом симпозиуме — по космологии, жил в одном номере с Викой. Что популярность Шварцмана была необычайно высока, свободное от работы время было полностью расписано, возвращался в номер он всегда глубоко за полночь.

Да и из Витиных рассказов получалось, что относятся к его научной деятельности на Западе более чем серьезно. Совсем устало сказал что-то вроде того, что, если бы уехал в свое время в Америку, все, возможно, сложилось бы иначе. А сейчас он, собственно, не видит выхода... Я снова взорвался (все же сказалась командная система отношений на шабашке). Рискуя разбудить родных, стал убеждать, уговаривать, сейчас же уехать в Израиль или США — ведь приглашения оставались в силе! Обещал взять на себя все организационные трудности, помогать ему там, если захочет... «Поздно, Боренька», как-то устало говорил Витя на все мои наскоки. Или: «Нет сил, Боренька». Вдруг он как-то странно спросил — может быть, в ответ на мое идиотское бахвальство по поводу шабашки: «Скажи, Боренька, а тебя еще хоть немного интересует астрономия?» Я достойно отвечал, что очень интересует, так же, как и раньше интересовала, и что я по-прежнему хочу... Я не договорил. «Так же...» Разочарованно перебил меня Витя, теряя интерес к разговору, уходя куда-то в себя, вглубь. Мне показалось, что лопнула еще одна нитка.

Утром я потерпел еще одну неудачу. Я попытался уговорить его поехать со мной к себе домой, к морю. Вика отказался. Я уехал обиженным и сердитым. Больше мы не виделись.

Несколько слов в заключение затянувшегося рассказа. Первая из телеграмм о его смерти (всего их было отправлено мне более десятка в разные колхозы Литвы) застала меня на кровле. Плохо помню, как спускался, как собирался, как добывал билеты (ведь конец августа), как летел в Минводы. Хорошо помню, что мозг свербил вопрос: жива ли Ревекка Моисеевна?

Любопытно, что и оглушенное, загнанное в тупик сознание способно искать более «благополучные» варианты. Думалось: вероятно, она умерла, и Вика почувствовал себя свободным

Меня еще раз пронзило: каким должно было быть страдание? И какой должна была быть слепота, ослепленность своими проблемами, чтобы не заметить, не осознать? Все же мало в мире понимания и любви.

Я убежден, что мог бы сохранить ему жизнь.

дек. 90 - янв. 91